

ДЕБАТЫ В «НУЛЕВОМ ЧТЕНИИ»

КОНЦЕПЦИЯ МЭРТА В БОРЬБЕ ЭКСПЕРТНЫХ ИДЕОЛОГИЙ

Известный американский политолог Збигнев Бжезинский в недавно опубликованной статье «Путинский выбор»*, признавая определенные достижения восьмилетнего правления Владимира Путина, критикует российское руководство за отсутствие долгосрочной стратегии развития.

«Самым вопиющим недостатком путинского периода является отсутствие амбициозной программы по преобразованию России в подлинно передовое государство за счет возможностей, которые предоставляет значительное повышение цен на экспортируемые страной энергоносители, – пишет Бжезинский. – Подобная всеобъемлющая концепция отсутствует...»

Для Збигнева Бжезинского, хорошо разбирающегося в деталях российской политики, это довольно странное утверждение. Амбициозная программа модернизации российской экономики существует – это **«Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года»**, разработанная МЭРТ РФ по указанию президента Владимира Путина.

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ПРЯМЫЕ

Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года рождалась долго и трудно. Первой долгосрочной концепцией экономического развития в истории постсоветской России считается «Стратегия социально-экономического развития страны на период до 2010 года», разработанная к маю 2000 года экспертами Центра стратегических разработок (ЦСР), известного также как Центр Грефа. Судьба ее довольно печальна. Правительство Стратегию одобрило, но в качестве официального документа не утвердило. Тем не менее работа коллектива Грефа не пропала даром:

* Brzezinski Z. Putin's Choice. The Washington Quarterly. Spring 2008. Vol. 31. № 2.

сам он после окончания работы над Стратегией был назначен министром экономического развития и торговли, а другие ведущие эксперты получили высокие посты в правительстве. Среди этих экспертов – Аркадий Дворкович, Эльвира Набиуллина и Андрей Белоусов. Последний возглавлял Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования и являлся одним из наиболее компетентных в стране разработчиков краткосрочных прогнозов.

В 2005 году ряд экспертов начали прогнозировать снижение доходов от нефти и газа к 2010-2011 годам. Как раз в это время Андрей Белоусов представил в правительство объемный доклад, согласно которому России грозили

три масштабных экономических кризиса: в 2007-2008, 2011-2012 и 2015-2017 годах. В этом же докладе содержался «рецепт» лекарства от кризиса. Белоусов предлагал капитализировать конкурентные преимущества – энергетический, научно-исследовательский, транзитный и аграрный потенциал – и заняться модернизацией инфраструктуры.

21 июля 2006 года президент Владимир Путин поручил МЭРТу

разработать проект Концепции долгосрочного социально-экономического развития страны (далее – КДР). Разработкой концепции занялся Центр Андрея Белоусова.

Одновременно (а по некоторым данным, даже раньше) аналогичную программу развития России начал разрабатывать некоммерческий общественный фонд РИО-центр. Разработчики РИО-центра поневоле отталкивались от программы Германа Грефа (на тот момент это была единственная долгосрочная стратегия в стране), которую, однако, считали излишне декларативной. По свидетельству тогдашнего президента фонда Игоря Юргенса, программа Грефа *«была оценена как замечательная декларация, изначально фрагментарная, слишком либеральная и не предусматрившая единения бюрократических элит на фоне роста цен на нефть и газ»*. Эксперты РИО-центра считали, что следует создавать не вторую программу Грефа, а сценарный план. Изначально предполагалось, что сценариев будет много – от 9 до 12. При этом, как и разработчики МЭРТа, эксперты РИО выделяли три основных пути развития страны – либеральный, дирижистский и авторитарный. Они не скрывали, что их «сценарный план» предназначен для будущего преемника Владимира Путина, хотя и не конкретизировали – какого. *«Фигура преемника совершенно универсальна, – заявлял вице-президент РИО-центра Алексей Волин. – Подготовленным документом сможет воспользоваться любой»*.

Несмотря на то, что руководство РИО-центра неоднократно утверждало, будто разработка сценарного плана является их собственной инициативой,

Кирилл Бенедиктов:
Имя Дмитрия Медведева как возможного исполнителя программы РИО-центра не раз звучало на совещаниях разработчиков сценарного плана

ряд экспертов предполагал, что речь идет о деятельности, санкционированной самыми высокими инстанциями*. Уже в тот период налаживались связи между РИО-центром и вице-премьером РФ Дмитрием Медведевым (РИО-центр, в частности, принимал участие в мониторинге национальных проектов). Имя Дмитрия Медведева как возможного исполнителя программы РИО-центра не раз звучало на совещаниях разработчиков сценарного плана. Параллельно с попытками МЭРТа выполнить поручение президента, используя более или менее традиционный инструментарий, шла консолидация либеральной части политической элиты и госаппарата вокруг наиболее либерального кандидата в преемники.

Таким образом, изначально существовали две группы, занимавшиеся разработкой стратегии развития России на долгосрочную перспективу. Одна, сосредоточенная в МЭРТе, находилась под патронажем Германа Грефа, другая, консолидировавшаяся вокруг РИО-центра, курировалась Леонидом Рейманом. Между двумя группами существовало вполне естественное соперничество, подогревавшееся слухами об «ослаблении МЭРТа», надвигающихся перестановках в правительстве и готовящемся «либеральном реванше».

Через год, в июле 2007 года, МЭРТ представило в правительство 130-страничный том, в котором давались оптимистичные, но довольно сдержанные оценки будущего России. В документе рассматривались три сценария развития страны – инновационный, инерционный и энерго-сырьевой. При наиболее благоприятном развитии событий авторы проекта обещали России место в пятерке ведущих экономических гигантов мира, 10% на рынке высокотехнологичной продукции и среднедушевой ВВП на уровне 20-30 тыс. долларов. Однако не исключалось, что развитие страны может пойти и по другим сценариям.

Эксперты РИО-центра, напротив, пришли к выводу, что *разработка нескольких сценариев* снижает ценность концепции. «Набор стратегических альтернатив желателен, но все же речь должна идти о некоем одном варианте», – заявлял, например, директор департамента стратегического анализа компании ФБК Игорь Николаев. Похожую точку зрения высказывал и Александр Аузан, один из главных идеологов этой группы. *«Мне кажется, что традиционная идея рассмотрения оптимистического и пессимистического сценариев – это не очень сильный методологический ход, –* сказал г-н Аузан в интервью «Русскому журналу». *– Кроме того, я до сих пор сомневаюсь в точности расчетов показателей до 2020 года. Там есть ряд точек бифуркации, из которых все может пойти совершенно по-иному, чем рассчитано сегодня».* Постепенно возобладала точка зрения, согласно которой расчет конкретных показателей в долгосрочной перспективе не является основной задачей программы. Приоритет группа РИО-центра отдавала созданию образа будущего, который планировалось достичь в результате реализации программы. *«Нужно было уходить от идей количественного расчета на столь длитель-*

* РИО-центр курировал глава Мининформсвязи Леонид Рейман, известный своими административными возможностями и близостью к Кремлю.

ный период со столькими факторами неопределенности, – считает Александр Аузан. – На наш взгляд, нужно было построить некий качественный образ будущего, а потом уже подводить его под цифирь. Что мы хотим иметь через двадцать лет? Великую энергетическую державу, военно-политическую державу, интеллектуально-культурного лидера в мире?»

Однако единомышленники во взглядах на эту идеальную цель не было и среди самих либералов. Они дружно критиковали КДР МЭРТа, в частности, за то, что в качестве стратегического ориентира та предлагала «восстановление Россией статуса мировой экономической державы». Роль раздражающего фактора играло слово «**восстановление**», в котором усматривалось покушение

на одну из популярных либеральных идеологий. Тем не менее в определении альтернативного «образа будущего» разработчики РИО-центра не преуспели. Не последнюю роль в этом сыграло то обстоятельство, что эксперты, группировавшиеся вокруг РИО-центра, не были командой единомышленников – среди них можно было выделить по меньшей мере три группы, каждая из которых

имела собственный взгляд на решение поставленной задачи. У каждой из этих групп, кроме того, были свои претензии к разрабатываемой МЭРТом КДР. Группа ученых РАН во главе с академиком Виктором Ивантером обвиняла МЭРТ в пессимизме и намеренном занижении прогнозов. Они также указывали на недостаточное внимание, которое в КДР уделялось человеческому капиталу, прежде всего, росту заработной платы. Напротив, представители второй группы (условно называемые «гайдаровцами») считали прогнозы МЭРТа неоправданно оптимистичными. Сам Егор Гайдар видел главный недостаток КДР в том, что в ней не принималась в расчет *кризисная демографическая ситуация в стране*. Бывший заместитель Германа Грефа Михаил Дмитриев, соглашаясь с Гайдаром, указывал, что ни одна страна мира при резком сокращении численности трудоспособного населения не удерживала в течение десяти лет семипроцентный темп роста экономики.

Наконец, ряд экономистов, образовавших позднее группу «Сигма», полагали, что авторы КДР пользуются неверными вводными. Главное противоречие между «Сигмой» и группой разработчиков МЭРТа лежало в области идеологии. С точки зрения «Сигмы», концепция, разработанная МЭРТом, была близка к варианту сценария, который обозначался ими как «мобилизационный». Он предполагал концентрацию больших бюджетных средств в некоторых узловых точках экономики для осуществления отдельных проектов. Поэтому подход МЭРТа специалисты РИО-центра определяли как «**проектный**». Эксперты «Сигмы», напротив, считали, что государство находится в том состоянии, когда оно неспособно осуществить сколько-нибудь эффек-

Эксперты «Сигмы» считали, что государство находится в том состоянии, когда оно неспособно осуществить сколько-нибудь эффективные проекты

тивные проекты. По их мнению, начинать нужно было не с инвестиций и инноваций, а с создания (или реформирования) институтов и инфраструктуры. Соответственно, подход «Сигмы» можно считать **«институциональным»***. Термин «мобилизация» также пугал либеральных экономистов «Сигмы».

СБЛИЖЕНИЕ

Сосени 2007 года происходит определенное идеологическое сближение между позициями МЭРТа и экспертами, ориентирующимися на РИО-центр. *«С осени 2007 года мы начали взаимодействовать с МЭРТом, – вспоминает Александр Аузан. – Первое дискуссионное концептуальное обсуждение состоялось на большой конференции в МГУ, на которой сопоставляли два подхода – так называемый проектный подход авторов МЭРТовской концепции и институциональный подход группы «Сигма».*

К этому времени глава МЭРТа Герман Греф перешел на работу в Сбербанк, а министерство возглавила его заместитель Эльвира Набиуллина, ученица Евгения Ясина. С осени 2007 года КДР связывают в основном с ее именем, хотя главные изменения в документе стали результатом работы Андрея Белоусова, получившего пост заместителя министра МЭРТа, и директора сводного департамента макроэкономического прогнозирования Андрея Клепача. Сближение позиций произошло в результате экспертной оценки, проведенной в ходе ряда совместных «круглых столов», встреч с представителями бизнеса и региональных управленческих элит, организованных МЭРТом и структурами, близкими к РИО-центру (например, РСПП, вице-президент которого Игорь Юргенс был главой РИО-центра).

Критика, которой эксперты подвергли проект КДР осенью 2007 года, была достаточно жесткой. *«Представленный документ является не Концепцией долгосрочного социально-экономического развития РФ, а расширенным долгосрочным прогнозом с набором сценарных условий», –* заявили эксперты РСПП. По их мнению, наличие трех сценариев было не плюсом, а минусом КДР.

В конце октября 2007 года стало ясно, что КДР нуждается в коренной переработке. А 1 ноября 2007 года президент России Владимир Путин потребовал от правительства принять Концепцию социально-экономического развития страны до 2020 года уже в феврале. При этом он специально подчеркнул, что главное, на что должна дать ответ КДР, – это «как, какими способами и инструментами мы будем добиваться решения этих задач, двигаться к заявленным целям». Без разработки этих инструментов Концепция останется простой декларацией, предупредил Путин и попросил разработчиков «сугубо внимательно отнестись к такой постановке вопроса».

* Как мы увидим ниже, разработчики КРД МЭРТа были не меньшими институционалистами, чем представители группы «Сигма».

Судя по тому, что в новом варианте концепции остался лишь один сценарий из трех, а также было уделено большее внимание социальным аспектам модернизации, авторы КДР действительно взяли на вооружение многие наработки экспертов, группировавшихся вокруг РИО-центра. Кроме того, представляется важным тот факт, что осенью 2007 года в КДР впервые появился раздел, посвященный развитию государственных институтов, что было явной победой команды РИО-центра. «Раздел по институтам, который появился в ноябре 2007 года и существенно изменился к марту 2008 года, – это уже результат совместной работы», – считает Александр Аузан.

Однако доработать проект МЭРТ не удалось.

8 февраля на расширенном заседании Госсовета Владимир Путин выступил с докладом, посвященным стратегии развития страны до 2020 года, – фактически сыграл на опережение. В выступлении президента были озвучены некоторые цифры – взятые из проекта Стратегии, но интерпретированные несколько вольно. В частности, президент сказал: *«Реализация инновационного сценария развития позволит нам добиться кардинального повышения производительности труда. В основных секторах российской экономики должен быть достигнут как минимум четырехкратный рост этого показателя за 12 лет»*. Между тем разработчики Концепции предусматривали повышение производительности труда к 2020 году в 2,4-2,6 раза (по отдельным секторам – до 4 раз)*. Разница небольшая, но знаковая. Конструкции «по отдельным секторам» и «в основных секторах», «как минимум в четыре раза» и «до 4 раз» все-таки несут разную смысловую нагрузку.

Вполне возможно, что никакого специального намерения «подставить» МЭРТ у спичрайтеров президента не было: они просто выбирали наиболее красивые, «круглые» цифры. Но МЭРТ среагировало неожиданно болезненно.

11 февраля министерство опубликовало на своем сайте **«Информацию о работе над Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года»**. Однако цифры, приведенные в документе, отличались от тех, которые озвучил президент, – причем в сторону уменьшения. Выглядело это так, как если бы МЭРТ публично поправило президента. С точки зрения аппаратной этики – шаг почти самоубийственный.

И тут выяснилась еще одна интересная деталь: главное отличие Концепции МЭРТа от речи президента заключалось вовсе не в цифрах роста производительности труда, а в принципиальном подходе к некоторым ключевым вопросам развития российской экономики.

Концепцию, изложенную в выступлении президента, можно условно называть «программой построения государственного капитализма». *«Государству не по силам, да и ни к чему такой колоссальный государственный сектор, – сказал Путин. – По возможности надо активнее привлекать частный капитал в государственный сектор, будь то промышленность или социальная сфера»*.

* В последнем (мартовском) варианте Концепции эти цифры скорректированы в сторону увеличения – 2,5-3 раза.

В то же время в КДР ничего не говорилось о привлечении частного капитала к управлению госсобственностью. Вместо этого там идет речь о том, чтобы обеспечить «*поэтапное сокращение участия государства в управлении собственностью в конкурентных отраслях экономики посредством прозрачных и эффективных приватизационных процедур, основанных на принципах рыночной оценки, равного доступа к имуществу и открытости деятельности органов власти*». Эксперты считают, что вариант, предложенный МЭРТом, гораздо более либерален – ведь там делается акцент на приватизации госкомпаний, а не на привлечении частного капитала к управлению государственными учреждениями и организациями. Возможно, это также

Главное отличие Концепции МЭРТа от содержания речи президента заключалось вовсе не в цифрах роста производительности труда, а в принципиальном подходе к некоторым ключевым вопросам развития российской экономики

явилось следствием сближения позиций МЭРТа и группы экспертов РИО-центра, которые позиционировали себя как разработчики более либеральной экономической политики будущего президента России Дмитрия Медведева.

Таким образом, еще перед тем, как на рассмотрение правительства была передана новая редакция Концепции, принципиальные расхождения между позицией авторов документа и позицией тех,

кто заказывал этот документ (то есть Кремля), стали достаточно очевидны. В результате проект пришлось перерабатывать снова. Документ был готов лишь 12 марта, а широкой публике стал известен тремя днями позже. Семь глав последней редакции КДР в основном повторяют программные тезисы Владимира Путина и Дмитрия Медведева.

ФАНТАСТИКА БЛИЖНЕГО ПРИЦЕЛА

По сравнению с первыми вариантами КДР документ, подготовленный МЭРТом к середине марта, выглядит гораздо более оптимистичным. Даже вызовы, с которыми, по мысли авторов программы, столкнется Россия в период с 2008 по 2020 год, обозначены без излишнего драматизма. Тревожные прогнозы Андрея Белоусова, предрекавшего ранее мировой экономической кризис, сократились до скромного пункта «сохранение и, вероятно, усиление дисбалансов в области мировой торговли, движения капиталов, что будет способствовать изменению курсов мировых валют и перестройке институтов мировой экономики (мирового экономического порядка)». Впрочем, отмечается, что подобная перестройка может быть даже благоприятной для российской экономики, хотя и таит в себе определенные угрозы, которые, однако, могут быть преодолены повышением конкурентоспособности экономики России и привле-

чением новых инвестиций. Кто и зачем будет инвестировать в экономику России в условиях глобального финансово-экономического кризиса, авторы КДР не уточняют.

Любопытно отметить, что все расчеты в КДР привязаны к доллару США. Не говоря уже о том, что подобная привязка выглядит не вполне патриотично*, она в очередной раз демонстрирует непоколебимую веру авторов документа в неувязимость американской валюты.

Итак, допущение, от которого отталкиваются авторы КДР, заключается в том, что в ближайшие 12 лет в мировой экономике не произойдет каких-либо драматических изменений.

Освободившись, таким образом, от утомительной необходимости подводить строгую научную базу под каждый тезис КДР, ее авторы сумели нарисовать действительно привлекательный образ будущего России со средними зарплатами в 2700 долларов и лидерством в сфере высоких технологий. Некоторые разделы документа читаются почти как фантастический роман. Это касается и развития таких инновационных проектов, как индустрия наносистем, и образования трех-четырёх крупных ракетно-космических корпораций, развития системы космодромов и технологий «электронного правительства».

МИНФИН ПРОТИВ МЭРТА

Реализация амбициозных задач, которые ставят перед собой авторы КДР, требует сохранения устойчиво высоких темпов экономического роста, по крайней мере, на протяжении 12 лет. Поддержание таких темпов не вполне безопасно для экономики: образно выражаясь, в печь экономического роста с каждым годом придется бросать все больше и больше дров, что в конечном итоге может привести к перегреву. Кроме того, чтобы компенсировать планируемое сокращение бюджетных поступлений в результате реформ налоговой системы и снижение уровня доходов от экспорта энергоносителей, эксперты МЭРТа предлагают «откупорить» кубышку Стабилизационного фонда (Фонда национального благосостояния и Резервного фонда). Разумеется, эти предложения МЭРТа вызвали резкую и крайне отрицательную реакцию Минфина, для которого попытки покушения на Стабфонд играют роль сильнейшего раздражителя. Союзником Минфина выступил Центробанк, зафиксировавший первые признаки перегрева: высокую инфляцию, дисбаланс между ростом доходов населения и производительностью труда, разрыв между внутренним спросом и внутренним предложением.

Таким образом, проявилось глубинное противоречие между позицией МЭРТа и монетаристской идеологией Минфина. С точки зрения Алексея

* Год назад Госдума приняла закон, запрещающий указывать цены в долларах и евро, а также использовать названия этих валют в рекламе. Правда, Герман Греф, имеющий непосредственное отношение к разработке Концепции, по крайней мере на первом этапе предложил использовать вместо слова «доллар» эвфемизмы «зеленый» и «бакс».

Кудрина и его союзников в ЦБ, непрерывный экономический рост, являющийся ключевым условием реализации инновационного сценария, изложенного в Концепции МЭРТа, не только небезопасен, но даже нежелателен.

Позиция МЭРТа прямо противоположна. «Мы не можем себе позволить замедление темпов роста, в отличие от некоторых развитых стран», – кате-

Реализация амбициозных задач, которые ставят перед собой авторы КДР, требует сохранения устойчиво высоких темпов экономического роста, по крайней мере, на протяжении 12 лет

гегорично заявила Набиуллина. Глава МЭРТа посоветовала Кудрину подумать над методами, которые позволили бы, сохранив стабильность бюджетной системы и не разогнав инфляцию, достичь высоких показателей ВВП в долгосрочной перспективе. Определенную пикантность этому спору придает тот факт, что Алексей Кудрин является также вице-премьером правительства и,

вследствие этого, начальником Эльвиры Набиуллиной.

Противоречия между МЭРТом и Минфином особенно ярко проявились в дискуссии о снижении НДС. В КДР, как уже говорилось выше, не содержится прямых указаний на то, как именно должен быть реформирован НДС. Однако КДР достаточно легко адаптируется к новым вводным, что позволяет ее создателям в любой момент внести туда конкретные цифры предлагаемого снижения НДС (с нынешних 18% до 12-13%). Поскольку о необходимости снижения НДС в последнее время говорили и Владимир Путин (осторожно), и Дмитрий Медведев (более уверенно), вероятнее всего, эта позиция найдет свое отражение в итоговом проекте МЭРТа, который должен быть представлен в правительство в мае 2008 года. Сторонником снижения НДС до 12-13% выступает и влиятельный глава экспертного управления администрации президента Аркадий Дворкович, считающийся одним из «духовных отцов» Концепции.

Противостояние Минфина и МЭРТа привело к неожиданному результату: 8 апреля Алексей Кудрин неожиданно заявил, что его ведомство представит к 1 августа долгосрочный финансовый план на 15 лет. Никаких «пряников» в виде, например, средней зарплаты в 2700 долларов в месяц в этой программе не будет. Напротив, документ должен обосновать идеи Кудрина о невозможности дальнейшего наращивания госрасходов и снижения налогов (в том числе НДС) в среднесрочной перспективе.

Таким образом, функции двух структур государственного аппарата входят в антагонистическое противоречие. Другое дело, что КДР не является внутренним документом МЭРТа, а представляет собой программу, предназначенную для президента и правительства страны (в идеальном варианте – для всего общества, о чем пойдет речь ниже). Это переводит противоречие между Минфином и МЭРТом из области чисто аппаратной борьбы в сферу государственной идеологии.

К настоящему моменту в стране существует несколько центров, отстаивающих свое видение стратегического развития России до 2020 года. Это, во-первых, **МЭРТ**, с которым в основном и связана Концепция-2020.

Во-вторых, группа либеральных экономистов, разрабатывавшая ряд альтернативных сценариев под эгидой **РИО-центра**. Данная группа неоднородна: к ней относятся экономисты и бизнесмены РСПП (Юргенс, Шохин), представители академических институтов (Ивантер), группа «Сигма» (Аузан, Гонтмахер).

В-третьих, **Минфин**, разногласия которого с ведомством Набиуллиной в последнее время вышли за рамки функциональных и перешли в разряд идеологических.

Хотя авторы КДР в основном являются высокопоставленными государственными чиновниками, их точка зрения, как видно из описанного выше конфликта с Минфином, никоим образом не является «официальной позицией государства». Так, например, отношение авторов КДР к проблеме приватизации госсобственности отличается большим либерализмом, чем позиция государственных чиновников Кремля, в том числе действующего президента. В то же время по сравнению с позицией, занятой экономистами «Сигмы», КДР – документ менее либеральный (это прояв-

ляется главным образом в различиях между «проектным» и «институциональным» подходами).

Может сложиться впечатление, что авторы КДР возводили свое здание на некоей «ничейной земле», граничащей с доменами государственных чиновников, либералов и левых.

Хотя эксперты «Сигмы» критиковали разработчиков КДР за приверженность к «проектному подходу», их позицию (особенно это касается группы Андрея Белоусова)

вполне можно определить как институциональную.

Главным отличием институционалистов от «проектировщиков» является распределение приоритетов: «проектировщики» вовсе не отрицают необходимости реформирования государственных институтов, а лишь считают, что прежде необходимо привлечь инвестиции к ключевым точкам экономики.

«Если я – институционалист, а вы хотите сформировать, предположим, православную империю, то я вам тут же понадоблюсь, потому что нужен инженер, который проектирует по правилам эту империю. Но если вы не знаете, что вы хотите – империю, республику, рынок, то я вам ничем не помогу, пока вы не сформулируете цель, которая лежит за пределами экономики», –

Интересно, что, не будучи идеологически ориентированной, Концепция сама по себе является протоядром идеологии, которую, по мнению лидера Партии социальной справедливости Алексея Подберезкина, можно назвать «идеологией опережающего развития»

считает директор Национального института промышленного развития Валерий Веневцев. Перед авторами КДР была поставлена задача – обосновать «большой рывок», который выведет Россию в число мировых лидеров. Интересно, однако, что, не будучи идеологически ориентированной, Концепция сама по себе является протоядром идеологии, которую, по мнению лидера Партии социальной справедливости Алексея Подберезкина, можно назвать «*идеологией опережающего развития*».

ЧЕЙ ПЛАН?

В связи с этим возникает еще один интересный вопрос – в какой степени Концепцию-2020 можно считать экономическим воплощением так называемого «плана Путина»? Официально этого никто и никогда не утверждал. Однако вполне вероятно, что программу МЭРТа по крайней мере **предполагалось** сделать основой для «плана Путина». Возможно, так бы и случилось, если бы подготовленный летом 2007 года вариант КДР устроил Кремль. Но наличие трех сценариев, недостаточно амбициозные показатели и отсутствие реальных механизмов достижения поставленных целей не позволили использовать КДР в качестве «плана Путина». Это привело к тому, что на протяжении всего электорального цикла 2007-2008 годов «план Путина» существовал как виртуальная конструкция.

Говорить о том, что КДР может стать «планом Путина», сейчас, с одной стороны, преждевременно, с другой – слишком поздно. Так, расчеты по снижению НДС Минфин обещает предоставить лишь к августу. Таким образом, если КДР и станет «планом президента», то президентом этим будет уже Дмитрий Медведев.

Интересно, что альтернативный вариант Концепции-2020, разрабатывавшийся под эгидой РИО-центра, изначально ориентировался на Медведева. Творческий поиск либеральных экономистов, судя по всему, вполне устроил преемника: по его мнению, экспертиза, проводившаяся в РИО-центре, всегда была «глубокой, сильной, мощной». В марте 2008 года на базе РИО-центра был создан Институт современного развития (ИНСОП) – мощная структура с большим штатом (называется цифра в 500 экспертов) и хорошим финансированием. Главой Попечительского совета института стал сам Дмитрий Медведев. Его заместителями были назначены Эльвира Набиуллина и Леонид Рейман. Таким образом, в рамках ИНСОРа произошло объединение, пусть и формальное, кураторов двух различных проектов стратегического развития России до 2020 года. Явно усилила свои позиции группа, связанная с крупным бизнесом (представленная руководителями РСПП).

В настоящий момент работа над КДР еще не завершена, и это оставляет ее авторам определенное пространство для маневра. Конкретные механизмы воплощения в жизнь заявленных в документе целей по-прежнему вынесены за его рамки – предполагается, что они должны быть описаны в «Прог-

нозе социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020-2030 годов», который широкая публика увидит в лучшем случае в мае. А идеологическая нейтральность разработчиков, являющихся, по сути, институционалистами-прагматиками, позволяет значительно смещать акценты в зависимости от внешней конъюнктуры. Разумеется, у этого коридора возможностей есть свои пределы, но они достаточно широки.

Трансформация Концепции напрямую зависит от борьбы двух основных группировок – разработчиков МЭРТа и экспертов ИНСОРа (бывшего РИО-центра). Очевидно, что в настоящий момент позиции последних сильнее: их поддерживает избранный президент России Дмитрий Медведев. С другой стороны, глава МЭРТа Эльвира Набиуллина также демонстрирует близость к избранному президенту (хотя бы в рамках Попечительского совета ИНСОРа). В этом смысле борьба группировок вокруг КДР носит не структурно-бюрократический, а, скорее, методологический характер.

Выступая на Красноярском экономическом форуме в феврале 2008 года, Дмитрий Медведев заявил, что реализация проектов, инициированных несколько лет назад (имелись в виду нацпроекты), требует концентрации «на основных направлениях, на своеобразных четырех «И»: институтах, инфраструктуре, инновациях, инвестициях». Это заявление было с энтузиазмом воспринято теми разработчиками стратегии долговременного развития России, которые считали приоритетным создание институтов, позволяющих осуществлять реформы (эта точка зрения разделяется далеко не всеми либералами ИНСОРа). «Это (стратегия четырех «И») для нас вполне приемлемо», – заявил один из лидеров группы «Сигма» Александр Аузан. Таким образом, *институциональный* подход группы «Сигма» восторжествовал (по крайней мере в теории) над *проектным* подходом Андрея Белоусова и Андрея Клепача.

Трудно отделаться от ощущения, что КДР стала для либеральных экономистов не только удобным полигоном для обкатки своих новых идей, но и плацдармом для сближения с избранным президентом страны, высказывавшим суждения, которые позволяли заподозрить в нем либерала. Общественное мнение живет предощущением нового «либерального реванша», который связывают с личностью нового президента. Однако тот, будучи человеком крайне осмотрительным и осторожным, пока ограничивается «точечными» заявлениями (о необходимости снижения налогов, повышения производительности труда и т.д.) на эту тему. Вероятно, некие программные заявления будут сделаны на XII Петербургском международном экономическом форуме в начале июня. Этот форум должен стать еще одной важной вехой в разработке КДР – недавно Эльвира Набиуллина заявила, что на форуме «действительно будет обсуждаться проект концепции в очень высокой степени готовности». Что же касается Дмитрия Медведева, то он настроен скорее отложить принятие КДР, чем провести его до решения налоговой проблемы. «Если решения по налогам не могут быть приняты в установленный период, стало быть, и концептуальный документ должен быть принят чуть позднее», – заявил Медведев на встрече с представителями РСПП.

Уже сейчас можно прогнозировать, что разработанная МЭРТом концепция станет предметом столкновений между Дмитрием Медведевым и консервативным руководством Минфина. Хотя бы потому, что Медведев недвусмысленно дал понять, что определенные положения КДР ему близки. При этом, касаясь среднесрочной перспективы (2009-2010), избранный президент анонсировал значительный рост госрасходов. А согласно Алексею Кудрину, в ближайшие годы Россия наконец-то начнет снижать госрасходы.

В этой ситуации борьба различных групп вокруг КДР становится не просто бюрократическим перетягиванием каната – она превращается в борьбу за влияние на нового президента России.

Поддержка президента является одним из ключевых факторов, определяющих принципиальную возможность реализации КДР. Речь не столько о принятии конкретных решений в области экономической политики, сколько о превращении КДР в основу для новой «идеологии опережающего развития», которая требуется стране, стоящей перед необходимостью модернизационного скачка. Для того чтобы из «яйца» КДР «вылупилась» новая идеология, необходимо сочетание политической воли и широкого общественного консенсуса.

Широкий общественный консенсус, как и консенсус элит, необходим для реализации программы, поскольку подобные широкомасштабные преобразования невозможно проводить без участия всех социальных ин-

ститутов. Бледная тень такого консенсуса наблюдалась в российском обществе при реализации некоторых положений программы Германа Грефа в 2000-2002 годах – в частности, по вопросу о дебюрократизации. Однако «большой рывок» потребует напряжения всех общественных сил. Совершенно не исключен сценарий, при котором лозунг «самолеты вместо масла» будет определять настроения

общества на протяжении нескольких лет. В тексте КДР этого нет, но противоречия между позициями МЭРТа и Минфина наводят на мысль, что без сокращения расходной части бюджета обойтись не удастся. В то же время реализация стратегии «большого рывка» предполагает колоссальное увеличение расходов на модернизацию. Поскольку, как известно, «из ничего ничего не бывает», остается предположить, что основная тяжесть модернизации ляжет на плечи российских граждан. **При отсутствии широкого общественного консенсуса это может привести к возрастанию социальной напряженности и в конце концов – к краху всего модернизационного проекта.**

В этой ситуации борьба различных групп вокруг КДР становится не просто бюрократическим перетягиванием каната - она превращается в борьбу за влияние на нового президента России